

СМЕРЬ

№ 23

1929
23-24
68

10 коп.

В 1930 году "СМЕНА" выходит каждые 10 дней

СМЕНА

В 1930 г. формат "СМЕНИ" увеличивается до размеров "Прожектора"

VI-й год
издания.

МАССОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

«СМЕНА» — боевой революционный журнал рабочей молодежи, организующий читателя на борьбу с классовым врагом во всех его проявлениях;

«СМЕНА» — по-ленински ставит основные вопросы работы и жизни комсомольской организации и помогает их разрешению;

«СМЕНА» — смело и решительно выступает против всяких оппортунистических тенденций, «левых» загибов и примиренчества к ним в работе, в быту, литературе и искусстве;

«СМЕНА» — помогает читателю видеть и осмысливать размах социалистического строительства, мобилизует его на выполнение пятилетнего плана, борется за революционные темпы реконструкции;

«СМЕНА» — уделяет особое внимание перестройке комсомольской работы, теоретической учебе, коллективизации быта, коммунистическому труду, воспитанию нового человека.

Огромное значение журнал будет придавать связи с читателем.

В 1930 г. «Смена» проведет 12 больших читательских конференций в крупнейших рабочих центрах СССР;

На страницах журнала будет открыт широкий доступ читательскому письму; журнал даст читателям возможность участвовать:

в ряде замеченных редакцией диспутов и переключек по бытовым, политическим и комсомольским вопросам.

Будет проведен

ряд конкурсов

на лучшую художественно-написанную заметку на заданную тему, очерк о новом строительстве в районе жительства читателя, рецензию на книгу, художниковский рисунок.

По всем этим вопросам при «СМЕНЕ» создана специальная консультация.

К УЧАСТИЮ В ЖУРНАЛЕ ПРИВЛЕЧЕНЫ ЛУЧШИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СИЛЫ.

В основном журнал будет ориентироваться на произведения пролетарских писателей СССР и Запада.

Опираясь на лучших художников и фотокорреспондентов, журнал будет в то же время всячески помогать массовому фото- и изобразительному движению, стремясь воспитать кадры новых фотокорреспондентов и художников из среды рабочей молодежи.

Значительно расширяется в журнале отдел разумного развлечения, посредством которого «СМЕНА» будет помогать читателю организованно и весело провести свой досуг.

Цена отдельного номера 10 коп.

Условия подписки см. на 3 и 4 стр. обложки.

Смена

№ 23 — 5 декабря 1929 г.

Литературно-художественный, иллюстрированный журнал рабочей молодежи. Орган ЦК и МК ВКП(С) — Изд. «Молодой Гвардии».

Ответственный редактор С. КЭМРАД.
Заведующий редакцией Я. ЮДИЦКИЙ.

1930 ГОД

Начиная с настоящего номера, редакция «Смены» приступает к реорганизации журнала. Речь идет не столько об изменении внешности и переходе на более частый, еженедельный, выпуск, сколько о перемене всей установки, характера, программы «Смены».

Чем была «Смена» в 1928 и 1929 гг.?) В значительной мере бесцветным, не имеющим своего лица, лишненным боевого большевистского духа «бытовым» журналом. Связь с основными слоями комсомольской и беспартийной рабочей молодежи отсутствовала.

«Смена» не организовывала своего читателя не ставила перед ним живых вопросов партийной, комсомольской и производственной жизни, не воспитывала его. Мимо «Смены» нередко проходила великая стройка новых дней, обострявшая борьбу классов, творческий рост рабочей молодежи.

Это надо признать честно и прямо.

Мы хотим поставить дело по-иному. Мы хотим делать журнал вместе с читательской массой, на читательских конференциях, диспутах и переключках, проверяя его активность. Мы хотим сделать его боевым журналом рабочей молодежи, ведущим за собой читателя и по-ленински воспитывающим его на вопросах классовой борьбы, социалистического строительства, комсомольской работы.

Не только отражать жизнь, быть ее «зеркалом», равнодушно регистрируя события декады, но и ставить ее активным участником, органически слиться с ней и ТВОРИТЬ ЕЕ — такова (очень кратко) наша установка.

Присоединяем читателям вкратце по поводу этой установки. Материал обзора будет помещен в № 1 за 1930 г. в специальной подборке: «Какой должна быть «СМЕНА».

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площадь, 6. Издательство «Молодая Гвардия». Прием в редакцию ежедневно с 12 до 2 ч. дня.

Условия подписки на «СМЕНУ» смотри на 2 и 3 стр. обложки.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ КОМИНТЕРНА МОЛОДЕЖИ

Фото А. Самсонова

Торжественное заседание расширенного пленума Исполкома КИМ и Большом театре 26 ноября.

НАШЕ ОРУЖИЕ — БОЛЬШЕВИЗМ

В Германии — да и не только в Германии — в дни забастовок, были случаи, когда комсомольская организация о забастовке рабочей молодежи узнавала последней. Когда рабочая молодежь вступала в классовые бои, выходила на улицы с политическими лозунгами, комсомольцы почти оказывались в хвосте разлетывающегося революционного поезда не умеви возглавить забастовочное движение молодых пролетариев. Создавался какой-то политический иезуитский клубок: комсомол, который должен стоять во главе революционного движения рабочей молодежи, оказывался небоеспособным, оторванным от массовых движений, лишившимся прочих связей с рабочей массой.

Десятые секция КИМ, несмотря на террор и преследования, имела богатые возможности для завоевания большинства рабочей молодежи. Еще II конгресс КИМ выдвинул лозунг: «К массам». У конгресс КИМ, провозгласивший в условиях нарастающего нового революционного поезда, поставил перед всеми секциями задачу использовать этот поед для завоевания большинства рабочей молодежи. Конгресс потребовал от секций осуществления решающего поворота во всей их работе — поворота к массам, к первоурожью своих рядов, к превращению комсомолов в массовые боевые организации.

Целая серия мер, способствующих запрещению влияния комсомолов на молодые отряды рабочего класса, была назначена конгрессом. В своей практической работе секции уже приступили к осуществлению этих мер: увеличению числа производственных ячеек, созданию института революционных уполномоченных на предприятиях, работе по завоеванию профсоюзом, разоблачению профсоюзной и партийной социал-демократической бюрократии и т. д. Перед сознания встала задача из сектантских замкнутых организаций превратить в боевые организации большинства рабочей молодежи.

Пленум ИККИМ показал, что, несмотря на аналитические успехи, достигнутые в этой области, мы и сейчас еще имеем отставание в ряде крупнейших секций. Комсомолы не по-

спеивают за растущим революционным подьемом молодежи. Провода преледлезу политическую линию, они не умеют обеспечить этой линии массовую поддержку, так как подавляющее большинство рабочей молодежи остается вне организационного охвата нашими силами. В нежелательных секциях, несмотря на значительные трудности, работа по завоеванию масс также могла бы дать большие результаты, чем те, которые достигнуты до сих пор. Между тем только в Китае мы имеем действительно широкую иезуитскую работу по завоеванию пролетарской молодежи.

Пленум ИККИМ со всей решительностью подчеркнул, что вопрос о повороте не является только организационной задачей, как это думали некоторые товарищи. Вопрос о повороте — это вопрос о полном изжизнении всех спортуристических извращений линии Коминтерна, которые еще имеют место в секциях. Поворот не может быть осуществлен без полного устранения из рядов КИМ тех оппортунистических элементов, которые, приди к нам из рядов социал-демократии, принесли с собой реформистские традиции, неспособность первоурожиться за широкой массовой работы, негодность пропитать всей работой социал-демократическим революционным заданием.

В ряде стран десятилетия КИМ отмечено боевыми выступлениями молодежи. В Польше, Австрии и в Швеции демонстрации, посвященные 10-летию КИМ, выдвинули в остереженные схватки с полицией. Это свидетельствует о том, что осуществление поворота начинает сказываться. Международное революционное оформление поможет в сем секциях КИМ еще ускорить темп перехода на новые рельсы.

Пленум ИККИМ показал, что в секциях мы имеем прочное революционное ядро КИМ, решительно отбывающее все оппортунистические атаки. Условия третьего периода ставят комсомолы ряда стран перед надвигающейся неопределенной революционной ситуацией и здесь поворот является главным условием того, чтобы нарастающая волна революционного поедма могла быть направлена по тому пути, который ведет к победе пролетарской революции.

ТЕКСТИЛЬЩИЦА. Рис. А. ДЕЙНЕКА

Семен Кирсанов

Б Р И Г А Д А .

Гуд-гуд,
перенат,
гуд ударных
бригад:
«Дрянн враг,
бран—враг,
чтоб коммуна
строилась —
дай ниже,
ниже бран,
ниже себестоимость».
Вот гуд,
гуд зовет:
встань, ударный
завод;
«Тут крут
говор рул,
вагонетка
катится;
дай выше,
выше труд,
дай выше качество».
Гуд, гуд
свених гроз,
встань, ударный
колхоз,
«Дай, дай
комбайн,
все бугры
выровняй,
чтобы стал
край
коллективизирован».
Эй, гуд,
гуд сильней,
гуд ударных
дней,
дней-стай:
«Бей в сталь,
груз былых привычек скинь,
чтобы наш
день стал
социалистическим!»

НЕ ОТСТАВАТЬ ОТ СВОЕГО ВЕКА

Е. Кригер

„Приводить в движение тяжести, чертить карту земного шара“

Своими величайшими успехами человеческий род обязан технике, т. е. искусству измерять тела и их движения, приводить в движение тяжести, воздвигать строения, плавать по морям, преводить для всякого рода потребности орудия, вычислять движение на небесах, летать звездолетом и чертить карту земного шара.

Так в XVIII веке писал Говард Гоббс, философ-материалист, который, в сущности говорил, даже и не зная настоящей техники. Он смотрел на большие деревянные ящики, вооруженные бревнами и шаровыми, ветер дует в парусину и выноса людей, следящих за звездами. В описании Гоббс думал, что это—перх техники. С точки зрения людей нашего века, это была не техника, а кождение на четвереньках.

Узнать технику в XV веке было опасно для жизни. Каждое что пытался изобретать, сжигали на костре. Тот же Гоббс только потому, может быть, избежал насильственной смерти, что умер за 3 года до издания Оксфордским университетом декрета о сожжении его сочинений (университеты тогда вообще были сжигали сочинения, чем их издавали).

Но Гоббс оказался человеком решительным, он позволил себе перерезать все на голову и увидеть природу, летать за уду. Он стал страстным проповедником технических знаний.

Правда, время тогда было бедное, и Гоббс—один из умнейших людей своего века—описание имел, по нашим понятиям, очень среднее.

Но это не вина Гоббса. Ценность же Гоббса заключается в том, что он умеет указать технику, даже не зная ее, а только предчувствуя. Многие знают о технике, но не умеют ее указывать. Они остались от нашего века нашей страны, которая сейчас, как никогда и нигде до сих пор, умеет приводить в движение тяжести, воздвигать строения, преводить для всякого рода потребности орудия и чертить (совсем по-новому) карту земного шара.

Она, эта, отстающих от своей работы и до сих пор не уважающих технику, надо расквашать по-доброму.

Пулемет

Рабочий Щетинин заметил, что в одном цехе рабочие ходили с обрубками пальцами, некоторых пальцев был обрублен доплечье,—нехатало одного-двух оставов, у других, которых было, пласет раздроблено плечевое, была содраны только ногти, в худшем случае—половина первого сустава.

Обрубленные пальцы были привычны для цеха: просто незначительные подробности профессии, как крыные ноги у кавальристов. Обезыначенные пальцы прочно обрубали мясом, ими можно было даже раздроблено плечевое движение, подымать колы-инбуль или легкую ступку по столу в разлоторе.

Однажды Щетинин стал свидетелем того, как машина убивла палец. Это произошло в цехе ручного прессы, который обдирает заусеницы у закледи. Рабочий быстро подсовывал закледи к пноносу, одновременно ногой приводил в движение механизм. Пноносу опускался на расстоянии дюйма от пальца, обхватывал закледи и рвал с нее заусеницы. Вся трудность состояла в том, что нужно было очень точно рассчитать последовательность в движении сначала пальца, потом закледи, потом ноги, опускавшей пноносу,—все в секунду, так как работа сделывал.

Рабочий вошел в ряд, сошла закледи одна за другой и был ногой безостановочно, как агитом. Тот пальчик вырвался из ритма, рванул, иник. Это была величайшая труд, обеспокоившая машиниста: вместо железа под пноносу, вместо железной закледи, свой теплый, живой палец, и авыл. Палец был убит. Щетинин увидел кровь и возненавидел машину. Она стала для него воплощением несовершенства заводской техники. Эта была машина-убийца, превсеплалась машина: вместо железа

она жевала человеческое мясо, мясо своего новелитета. Ужаснее всего было то, что 20 тысяч рабочих завода считали это обычным. Одним бестымым больше, одним меньше—все равно. Если бы человек откусил своему товарищу палец, это бы случилось. Машинист это проходило безнаказанно. Ее преступление узаконили, ввели в торчу. Щетинину стало ясно, что 20 тысяч людей разоблачат перед этой машиной-убийцей. Худший вид работы—от немощности.

Щетинин ежесекундно торчал после работы в этом чужом цехе и смотрел на фронтальный пресс, на пласет, играющий в своей работе. Однажды, заигноризированным молниеносным движением рабочего, он внял к человеку безамативу, и фантазия помогла ему мысленно заменить рабочего пулеметом. Движение стало точным, пулемет с механической яростью стрелял закледиными в пноносу и вышвыривал их в сторону готовящего обрубания.

Щетинина начал бить аккордами, это было вдохновение человека, удачу идею. Он ушел из цеха с головой, которой гудела, и ночью безуспешно пытался нарисовать свой внезапный бред. Потом он узнал, что такое было: помощником, а утром встал и сплывовно, в десять минут начертил проект своего изобретения. Сильно обрадованный он привел в движение чертеж: принцип был верен: пулемет стрелял закледиными, машина вползла. Пальцы могли оставаться живыми.

Он представил свой проект в бюро рационализации. Там его через некоторое время приняли, но с поправками. Поправки были такие, что умиротворили дело, с ними машина не стала бы работать. Неизвестно, был ли это результат технической трудности конструкторов или их злодоумия. Щетинина протестовал, даже объявил голодовку, но модель все же начал строить... с поправкой. Щетинин почувствовал тоску, что умиротворили дело, оттаивание, железным домом он разбил модель изобретения.

Тогда его—здорового, просто испуганного человека—послали в сумасшедший дом.

Через алкогоников, пользовавшихся правом выхода наружу, он передал свой закледи в цеховую, в товарищам, просил вернуть ему, что он здоров, требовал осуществить проект в его варианте, чтобы изобретение работало.

Ему не верили. Началось самое страшное—одиночество непозитого человека. Здоровый, талантливым человек был посажен в сумасшедший дом. Это не был результат жестокости или притеснений со стороны врагов,—это был результат отвратительной нашей системы, когда изобретатель, одинок, когда техническое усовершенствование находится в голове одного человека, а не всей массы рабочих завода.

На заводе (это был завод «Красное Сормово») были другие изобретатели. В цехах дрались за новые темы ударились. В цеховых предприятит, заводских комитетах, были другие изобретатели. В цехах дрались за новые темы ударились. В цеховых предприятит, заводских комитетах, были другие изобретатели. В цехах дрались за новые темы ударились. В цеховых предприятит, заводских комитетах, были другие изобретатели. В цехах дрались за новые темы ударились.

Получилось странное положение, когда 20 тысяч были неправы, а один был прав, но сидит в сумасшедшем доме.

20 тысяч были неправы тем, что не обладали технической грамотностью. В сущности, это была не их вина, а вина системы, при которой рабочий может обходиться и без минимума технических знаний. В случае с Щетининым было разоблачено преступление нашей промышленности, наших инженеров, специалистов, ученых, директоров предприятит, заводских комитетов, всей нашей страны, которая до сих пор позволяет ставить рабочего к станку, не вооружив его достаточным знанием техники.

Разве удалось бы кому-бы то ни было засадить Щетинина к идютам и умалчинным, если-бы 20 тысяч рабочих обладали достаточным запасом сведений для того, чтобы выслушать его, прав и не виноват, Да, ведь, тогда бы на его защиту бросились все ударные бригады, ра-

Комсомольская бригада механической мастерской Металлического завода в Ленинграде.

На московском аэстрозаводе УРГ. — Передвижная диаграмма, регистрирующая степень выпадения программы

работает над двумя новыми изобретениями.

В новые каналы

Теперь мы выходим уже из того периода в социалистическом соревновании, когда происходило первоначальное накопление силы. Мышцы получили свое задание, они выпячивают его хорошо. Но, ведь, кроме силы мышца у нас есть, сила технических знаний! Попробуйте установить предел для общего напряжения умственного труда, для работы мозга. Границы нет, дорoga ведь в будущее, в века, к идеальной технике. Сюда добавочную, все возрастающую энергию!

Работа по-прежнему. С точки зрения западной техники, мы часто еще пребываем в средних веках. По сравнению с американской — современники Гоббса. На верхах двадцать чернорабочих принуждены таскать на себе железные листы, обшивку кораблей... нет еще маньяки для этой работы. Бабы здесь таскают из реки воду для промышленных целей. Бабы водят воду для людей! Это отсталость, карикатура на настоящую технику. В каждом чехе вагон технической бестолочи, а каждому станку что-то недолумано, мешает, тупит назад.

Мы спешимто ветрамины в области техники. Рабочий может предложить гениальную выдумку, которая на пятьдесят лет приблизит нас к будущему, но он скуп и беспомощен, когда приходится обновлять изобретение теоретически. Он идет наопуш, он спотыкается, падает... когда же ему удается прийти к успеху?

Надо сделать его зрелым, пусть видит направление, в котором идет. Нужно накопить и зафиксировать технических знания. Сейчас техника заперта за стенами учреждений, кружков, отдельных бригад, есть нет социалистического обмена опытом, знаниями. Отворите двери технике, дайте знание техники—миллионам. Это станет новым этапом социалистического соревнования, резервуаром для творческой гениальности масс.

Здесь прошлое врывается в нашу работу и пытается тизнуть назад.

Две бригады

Творец-комсомолец Фелтонов в цеховом цехе Сорочинского завода создал ударную бригаду. К нему пришла первая немуделые цеховые ценки, получившие до сих пор обидки от настоящих заводчан. Они были разбросаны по цеху и скучали каждый в отдельности, скучали очень жалостливо. Бригада вытиснула их из техных углов цеха, дала им стартовую работу, то есть выхватила из цеховых углов детали, больше не нужно было скучать о заказах. Шаг был очень большого значения. Маленькая, но очень важная работа в цехе: неэквивидированные получили право на усовершенствование, на рост.

Они отблагодарили, как могли. Больше ценки подняли странную глянью с браком, с прогулами, доносили до плечей остальных рабочих и начали уже на сантиметр переставать: на доске социалистического соревнования стали черными. Если учесть истинность их опыта и вынести это была очень серьезная победа. Кто замечал их раньше?

Теперь заметали. К сожалению. В дивельном разоблажении, более старая бригада Зелиева, она сколотилась из достаточно опытных тоделей. Она рослась на Фелтоновей, чех Зелиев, но все же ей полагалось тесно жить с новой бригадой. Для ценков бригада была школой, учителя работать на социалистической фабрике, начали они свой путь с мечты о зареботке, но коллектив воспитывает — конечный сплываемый расценки на одну из деталей. Брига-

дизнаотаторские группы, кружки изобретателей—исе воками техниче- общественности на заводе.

Но было иначе. Шетинин сидел в лекционной, в цехе Бригадильных прессе с тупым постыдным жевал чезовое мясо.

Помога, суважность. Алкоголики донесли записку Шетинина до РКК, его вынуждали. Тенера изобретение осуществлено, оно общепризнано, пузельмет будет мирно стрелять в чех железом, освобождая от ауспусид. Поколение злодей, лишенных пальцев в одном из пезов, — последнее поколение.

Зелиев расценил это, как покусание на ее коготь. Тогда чех раскопал на два лагера, из которых один лагерь—всея, другой—гореть: Федотовские ценки.

Зелиев стал ходить в распределитро, перехватывать заказы, отбиратель, работу у второй бригады. Это было гадость, предательство. Но чех стал на сторону Зелиева.

Зелиев Фелтонов оказался в колдце, ее травил. Шетинг хотели заигать обратно—в угол, чтобы не смести накоплат квалификацию и развиться с остальными. Отняли «спартинные» заказы, снова «обтели». Ценки в это время мечтали о радиоавтоматах. Фелтонов решил организовать работу потоком, каждая деталь—через руки всех ударников бригады. Мастер и «общественное мнение» цеха сказали ему: назад, не нужно! Федотовцев отогнали обратно от возможности усовершенствовать работу, а Зелиев после шета тот же поток,—ему разрешили. Фелтонов предложил выдвинуть для бригады инструменты. Это давало колоссальную экономию времени, ухудшающей на хождение за инструментом, на—сторону. Не разрешили. Предложил научить заточку резцов, ввести у себя табличку резцов на равный металл, чтобы уничтожить порчу деталей неправильно вытопными резцами. Не разрешили. Предложил в смехе содлате те же бригады, чтобы заеда плавно переходил из смены в смену, не обрываясь, не сползал каждая раз со станков. Не разрешили. Ничего не разрешили. Назад! В угол!

Дрять старых привычек и навыков, полученных при капитализме, стала на пути. Бригады, которые должны были соревноваться, помогай друг другу, подраиваясь, подняли соор.

Так работать нельзя? Это подленькая работа о своем, отдельном, успехе, бивить «конкурентов»—это не для нас, не для социалистического соревнования.

В общей котелье знания бригад, изобретателей, техников, всех рабочих, всех профессоров. Здесь не может быть никакой монополии. Мы помозим к такому периоду, когда технические знания должны стать продуктом первой необходимости и знания, продукт МАССОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ. Ничто не может быть сувереном от участия в построении социализма. Всем хватит места. Уйма работы—так быстро идет время, летит век.

Вводить в социализм

В Америке при заводах существуют так называемые метстиблишколы—вводные и производственные школы. Когда рабочий поступает на работу, его в этих школах обучают необходимым, только необходимым, чтобы не сломал станков, не портил материалов, а дальше не суй носа. На место! Цин! Американцы очень гордятся такими школами.

В нашей стране тоже должны быть созданы свои вводные школы. Это не только школы ФЭМ, массовых профессий, технические курсы, заводное обучение, вечерние рабочие техникумы, этого мало. Нужно больше. Каждая минута в дне и каждый день в году должны вводить в производство, в вопросы его реконструкции. Вся жизнь—вводная школа в обновленную технику, в технику социализма.

Если ударная бригада очередила технический уровень своего цеха,—она должна стать школой для оставшихся. Эту бригаду нужно перенести в другой цех, на другой завод—пусть учит, тинет за собой. Ее знания—по всей цепи бригад, цехов, заводов, рабочих. Это—социалистический обмен опытом, место конкуренции.

Вводную в технику школу нужно начинать с детей. Они хотят учиться,—дайте им все элементы настоящих инструментов в миниатюре. Дайте им меккамо—знаменитую американскую игру, в которой они могут конструировать подымные краны, перри, небоскребы и динталити кез систем. Умозай будет огромны, ребенок с первых лет пойдет работать с комом, от будет производить величайшие открытия! Доворит, Стефаноса, Фуалтона, Эдиссона, он самостоятельно пройдет весь путь развития техники, пока не подейдет к воротам настоящей фабрики. Это будет началом вводной школы в социалистическое производство.

В этой работе медлеть нельзя. Не будем отставать от своего времени, от своей великой работы!

ЛИСТКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Очерк В. ЗАГАНА

Рис. Н. ДЕНИСОВСКОГО

День и ночь по шахтной горе отработавшей черно-серой породы, бегают живы и шорох бабочек, — шорох — о лоскутой, живы — пуголка. На отстроенной вершине горы выветрела металлически опрысканная. Дном впадина вышпана угольной пылью, облыло скрывает бабочки, но ровно через две минуты они летят вниз. По хаотической горе породы живы бегают с точностью стрелы часов. Ночью нагон летит в черной тьме и не падает в сторону: он на рельсах. Невидимый груз управляет движением. Оно точно, строго, размерено. Так уверенно летит паровоз по железным, черным полям. Он на рельсах, как живые.

По дороге на шахту «Смолянку» попадается рельсовой путь. Спать поветела, между шпалами жесткой бурьян. Возвез, у которого ноги торчат, как выноски, но, говорит, что этот путь строили шахтники — те, кто возилась судены на берег государству.

«Рельсы проложили этот путь неизвестно куда, чтобы возить неизвестно что, чего...». Так теперь и лежит стальной путь, мамит о железных строениях. Возвез еще говорит: «Эта путь — железно хорошо, если поехать и перелететь, какие вышки бы обода. Он влохнул и наклонился к полем юнка.

На улице города Сталина асфальт толпы людей. Вагон трамвая еще повет, он набит людьми до отапа. Люди на тротуарах, а на мостовой. У остановки вагона инженер говорит вагоновозному: «Дуй без подсуду. Вагон проедет не останавливаясь. В толпе шатает локоний человек с черной бородой, в серой шапке. Налито прета красной мели. Открые глаза, ждотой подборок. Почему-то думает, что в таком костюме и с такими глазами ходит американец-инженер по вновь открытому трассу в Канада. Очень жалкие глаза, очень ждотой подборок. И гордость, и застенчивость в плечах. Мимо ждот шахтеры в черных брезентовых куртках, ждот торговли с бурьяны, ждот девушки в плашках, об руку с шариками в белых воронках и майках. Стоят злы и обидными лицами и зло просят конейку. Озвонки рудничной жизни, — это спиваются торпеды, которые больше пели, чем работали в шахте. Надо разуться лесенку, что шахтер — буйный, пьяный, отчаянный. Таков не он, а эти озвонки.

Труд в шахте по тяжести не сравним ни с каким иным другим трудом на земле. Потому-то шахтер берет силу, много жизни отдает сну — восстанавливает сил. После сна — воздух. Шахтер сидит у забойной дыма на лавке, курит думает, зеркала улыбается. В беседе он возмущает каждое слово, мало жестикулирует, умеренно шажает. Внутренний мир шахтера выработка произвольная страшной усталости, выработка правила ходьбы, всего охлада. Инстинктивно шахтер подчиняется этой правили: мало много сил в шахте, много энергии. Отчаянно бьют летя, прилетит из деревни, поправившая в черной угольной шахте, ослеплости. В шахте он робок, ступил на поверхности земли — злы, задорист и метелевы.

О шахтерской жизни почти ничего нет в старой русской и советской литературе. В большой библиотеке «Смолянки» — десятки тысяч книг, но ни одной — о «Смолянке» — самой глубокой шахте в стране. В библиотеке можно прочесть книгу Золы «Углеманы», живая о подземной работе в Северной Карелии. А об этой опаснейшей газовой

шахта — ни строчки. Наши писатели не любознаны — смертный грех для писателя. Даже местный шорох не спускается в шахту. Он написал «Ветер на расвете метлы в шахте живы пожать». «Плещут рейки и рельсы от рамы, их зарыны копытными копы». Много ветра в погостичной комнате. В шахте ждот ветра и шорох — над занесен шахты. И по конь ранит копытами рельсы, в «совсем» ждот лаборатор.

Кто работает в недрах земли? Организации рудников не знают — не любознаны они. Есть твердые кадры рабочих, жалкие десятилетиями здесь. Но этих — мало. Большеинство — летуны, земны, как их называют. Они из деревни, работают два-три дня, две недели, две недели — и уходит. На их место приходит новые. Эти уходит — другие приходят.

По дороге с рудника «Ветка» на Иваново-Мариупольский рудник разговорился с молодым шахтером: «Откуда родом?» — «Из Курской». «Сколько на шахте?» — «Двадцать шесть дней». — «Почему же сейчас ты не в забое, там лучше?» — «В забое лавок для меня совсем мало». — «А какие же у тебя есть дела?» — «Очень простые. Вынул из шахты в день три рубля и довольны».

Такие группы людей в деревни работают в шахтах на руднике. Одной группе нужно вынуть три рубля в день. А другой? А третьей?

Что нужно в шахте летуны? Сияку в забое шахты Навагоной. «Вчера, — говорит черной забойщик, освещенный электриком, наклонился от лампы «Вольфа», — вчера уезжал грех в соседнем забое. Знал, что там кончается новенький. Думаю: что же это трещит, быть может, села стойка? Да! посмотрю, помогу. Пошел. Визку, мой летунок бег тотой по деревняной рудке желовый. Сломал — и лавет в прощальную? Куда идти?» — спрашивает. «Да иду на гор, сломался ступеньки». А, валь, сам сломал! И тумал, — говорит забойщик, — лавет же сюда ему нужно было спускаться? Работать не хочет? Не хочет. И так понимаю, что это кулацтво является. Нужна ему для деревни бумажка. И только. А у нас нетоварота, — лавата в горю...».

Секретарь комсомольской ячейки «Смолянки» — человек с прищипанным лицом, выжидает так: «Шлововадно, сны рабочего и сам рабочий». Криво. Отвратительно прощало. Секретарь его почитывал сам и покрался. Но то, что он читает является рабоче, очень политико — постоянных выводов на руднике мало, ежедневно в рядной — летятся новых фигур из деревни. Они охватывают путники и с раскатым ртом ступают техника, об ослеплении правили повоевни и забое. Через неделю путниковость пролетит. В рядной слышал речь: «Хлеб у меня залаа. А для кого? Говорили, что хлеб — шахтам, заводам. Ну, вот теперь я в шахте. Мне мой хлеб нужно даром. Почему за свой хлеб я плачу? Летун явно привидывался хуловитым. И без всякой связи с предыдущим словом, он злобно начал пунить хуловы: — «Это все кинше пугала. Кто этот летун? Какое в деревне хозяйство у него? С какой целью пришел он на рудник? Никто не мог бы здесь на это ответить. Не любознаны.

Случайно обнаруживаются на руднике «Ветка» дыры из прощальной в звершал, или в другую прощальную — раскрыта шестерь. Проступили без улучшения. Подземные воды, галерея омытаются потоками воздуха сверху. Заполн прещения воздуха, награнные

воздушных струй, их регулирование, — все это бошманн система вентиляции. Воздуха и так мало в шахте, а тут кто-то открыл дверь — завалил, значит, завалил завал, остался без воздуха, струя воздуха не туда, куда надо по расчетам технической научной мысли. Значит, в некоторых случаях люди задохнутся в безвоздушном пространстве, отравятся испорченным воздухом. Кто же открыл дверь? Случайность ли это? Возмущается тот летчик, который этой сломану ручку жожожина.

Все обстоит иначе на руднике пропитаных искусственно рабочих смен. У обогатителя шахты «Смолянки» тоже в надрывом, с зорливой, Баскаленко она привнесла досетки шахтеров, кто из них и просиных сырыня, кто «знает не брать». «Сколько работ?» — «Двадцать упржиж». — «Сколько работ?» — «Двадцать упржиж». Упржижа — выход на работу, рабочий день — по шахтерски. Баскаленко отмечает на удостоверение об увольнении: «Идет не числясь».

Забойщик Харитонов говорит после смены: — «Когда попадает в плите колчан (колчаном), то задохнешь и с этой стороны и с той, и со всех сторон, искры идут от удара. Колчанга, — это тогда не работа, это убийство каюк-о-о. Скрипит жезонка кивка летуна на лоб, но рабочий класс делает, потому что нельзя не делать. Работаеть так, что жюкка сбывает. Вот что такое колчанга, а ты спрашиваешь».

Панчога — экономрабочник комсомольской ячейки «Наклонной» — не знает, сколько молодежи в забое, кто работает, сколько поставных рабочих. Мало знает о местной жизни, а когда спросишь про шахту, то прямо не отвечает, а обязательно с добавлением: — «Да я сам работаю в шахте».

— У вас есть радиостанция? Коротковолновая?

«Да... нет... почти коротковолновая», — говорит он. Так на все вопросы. В шахте он не был два месяца. Карьерных ребят из молодежи, не состоящих в комсомоле не знает. Сколько их? «А это их считая?». До удивления не любит экономрабочник комсомолу: «Будут машины на вашей шахте?». «Да... нет... рудоуправление наверное знает». — «В барак сезонников часто ходите?». — «Как скажешь», — отвечает он.

В бараке сезонников — голые нары. Лежит человек, раскинув руки. «Кто тут пришел?», — он хрипло спрашивает.

Панхет волдой. «Ты откуда?», — спрашивает властно сезонник и начинает доказывать, что Россия гибнет.

«Не будет вам хлеба ни крошки, не да-а-ам, не дам!». Он тычет в руки письма из деревни. В них говорится про хлеб, про штраф. Панхет отец. Закапает бешеным слез. На первом падает рабочий в надрывной шахте. «Намнеша не придет бы не было б штраф», — говорит рабочий. «Давай разобраться», — проломает рабочий, — ну, сколько коник у тебя, а слодок, а земли? Так вот оно что, так и есть!». Сезонник срывает рабочим в надрыв. Сезонник говорит готовой и упрямю кричит, что Россия все-таки гибнет. Молодой парень высказывает на середине барака и, одерживая безум в синих потасках рубашу, выпалывает спороговоркой: «А теперь она хотят пятилетку сделать четырехлетней». «Без дварюк», — шаркает рабочий в надрыве. — «Скажи сколько у тебя коник, а слодок, а земли?». Парень стях. У него серые глаза с холодным, жестким блеском.

В бараке сезонников вспоминается слово: «Душка». Так говорят шахтеры про движущиеся колеса, вава в пласке. «Жемги дуче, дучет поролы». Тогда пласк надрывает, выпирает внутренним рудодум. Пласк расширяется. От дучика гнутся рельсы в проломных, они то заплывают, то горбятся в другом месте. Выпираются огни, трещит ласк, кричат, дучик илет. Платформа, плужбиная, тяжи, крутящийся рудодум. Дучик требует тщательного изучения, иначе сильно будет мешать и без того трудной работе.

Другой барак: здесь живут обогатители-кардровики. На окант запахов, украшенные цветными лентами. Дочерские овалочки. Перит койкой стон обогатитель до вожа, пришедший со смены забойщик. Кочинами черных анализе он дергает белый листок... Того, лицо покрыто угловой пылью. Надо идти мыться, до... куда идти из шахты? Что пахнут? Делать музены, ягичего боле. Вылезти Петьюк музены, ягичего боле. Ситчука им пошла, ягичего боле. Забойщик добродушно смеется, белеет губы сивым черноту губ. Он осторожно, чтобы не спалнать, выдвигает листок в смитый конверт и идет мыться после работы.

В этом же бараке пришлось слышать: «Приходит к вам паренши, тихие, аккуратные с виду. Работают, читают после работы газеты. Все тихо и мирно. Молчат про деревню, про дом. А потом, как мы начинаем ругаться на вас, ведь да на кооперацию, да за столовую, паренши и начинают подывать голос. Мы всех ругаем, как с... и т. в. они — как у ж... В тот вечер один и сказал: «Ну, говорит, зашнурье в комсомол, поеду в деревню и разделюсь там. За что, говорит, у отца маленькую отобрала, на него штраф выкалывали? Показу им свой слух», — говорит паренек. А мы слушаем: так вот, кто ты есть. У тебя-де, там, парные мелничина, ты-де слма в комсомол записаться пришел? Ты хочешь, вылезти с виду казала? Тащи матрац! Начинаем тащить его крепко матрацем. А он жесткий, если крепко ударить — болно больно. Так и дерем кулаком вот эти самые матрацы. Да осяет — третьего выгнали. Как зашнурье бешать, бегут без расчета. Не приходит. Оно ясно, у паренка позный том там в деревне, работа ему нужна была совсем не для клба».

На шахте «Наклонной» рудилаа «Ветка», на «Смолянке», в других местах и не слышал, чтобы кто-нибудь собирал старые валры и утилизовал металл из борбу в производственном рабочему классу званиями. Стихино идет эта борба, как этихлина траглия пяти комсомольцев-перевес на Капитальной шахте в Бурстоне. Эти пять комсомольцев — в забое впервые. С великой мучой они работой доказывают, что и еврей находится в шахте. «Еврей не работает в шахте», — твердят автоматом. И чтобы оправдать утверждение, делается все, дабы вытерпеть потерю из шахты. Не покатывают коничкам, как надо работать. Посылают на самый опасный участок, не предупредив об опасности. Идетвается и смеется. Гнусное зрелище. Организация комсомола засомнелась от него ружья.

Соревнование под землей — терочное. Об этом писались не мало. Соревнование в борьбе за новые людья, за новые отношения к людям, — такого соревнования нет еще. Нет явного зраждение чужеземного материала. Второй он человек. Самый сильный кара дождика бить за то, ибо нет ничего драгоценнее чужеземного материала. Буд братья и да молодежь... Они борются за новое отношение к людям, новые люди — за новое. Рождено же, малевский экономрабочник комсомола, сказал: «Братья уже не душки, надо расколоться». Вместо сотрудничества сил, он предлагает рассосывание. Буд она — «журтка «шабопорт»».

На мареншики стального выезда бросается в огонь, когда видит, что расплавленный чугуи не идет туда, куда надо. Они вытаскивают чужд ли же приемо в лаву и превращают его ход: пусть течет, куда надо. Дымятся одежда, третью волосы. Надо учиться у мареншиков железному упорству. Лавя всякий дождик, лавя всякий дождик. А кулаки на «Ветке» хотели бы поучить. Тутини судя, автантина, что деревня до жнток обограла. Рудник возмущается. Батровские на сооружия поставили: посылать на свои денги в деревню рабочих, чтобы проворот, посмотрят, что делается... Делания вернутся и дождиком: «Разобачим деревню. Мы знаем, что есть на деревне. Да там берут хлеб у тех, кто его хотят отплатить в яме. А как вы скажете?»

На смене.

УДАРНАЯ КОМ

Статья И. Бачелиса.

ДЕЛО В П

Две строки поэта

Они появляются в газете, набранные мелким шрифтом, втиснутые куда-то между строчками. Или напечатаны в турской на прогульщика и отчетом о футбольном матче. Они, эти две строчки болельному матчу. Они, эти две строчки поэта. Не имеют даже заголовка — они безымянные; подте их, как потрошники столб, стоят черной рюб — типографская «собачка», ревниво оберегающая границы одной двухстрочной заметки от вторжения наземки другой — такой же двухстрочной...

Эти края — газетные амитеры. На территории 15 строк под торжественным заголовком «Обо всем» здесь собран десяток фактов «маленькой хронике». Мелкие, будничные факты! Равнодушными глазами их пробегает читатель, всколыхнув мехомолом, как бы торюясь перескочить через них к полновесным столбам «высокой поэтики».

А между тем в эти скучные строках бьется тот же напряженный пульс нашей жизни — не более напряженный, чем больше он сжат этими двумя ровными строчками. Попробовать ли вы когда-нибудь представить, что скрывается за двумя безымянными строчками газетной заметки, какая жизнь со всеми ее радостями и печальми, борьбой, проблемами и позачастыми стечностями в наше сознание через эти две строчки поэта?

Александр Безмянский попробовал. Созвние старого комсомольского запевала, сознание человека, который умеет «в каждой мелочи революцию мировую найти», записались за две таких строчки. Строки разсыпались для него. Так появились «Выстрел» — пьеса, о которой автор предвещает:

Я темю для пьесы везд
— Не мир,
— А две строки поэта.

Эти строки гласили:

Ударной комсомольской бригадой
трамвая до срока вынужен из
капитального ремонта второй вагон...

Отступись!

Мы можем по достоинству оценить эти строки. Мы хорошо помим первые наши ударные бригады. Мы знаем, делю какого напряжения, каких усилий и мозолей штретель на пути к осуществлению комсомольской инициативы.

Когда Феде Русских, бригадирцу с пермского завода «Сенатор», остальные рабочие, знающие уральские «летуны», кричали:

— Отступись!

Это было не только местным уральским явлением. Отступись! — Так кричали еще дрельниковые толпы Ковернику и Галдееву. И их знаменитое:

И все-таки она вертится!
— могло быть повторено многими комсомольскими ударниками.

И все-таки она заперлась — широкое производственное движение ударных бригад, бродило социалистического соревнования, молодой и восторженной вклад комсомола в нашу трудовую культуру.

Чуть от бригады до целого комсомольского цеха, от первых ударных ячеек до всеобщего «еда бригад» — этот путь развивающегося движения стал одним из важнейших показателей роста нашего производства и роста людей в нем.

«Выстрел» Безмянского является первым художественным произведе-

нием, посвященным движению ударных бригад. Онправил за конкретный материал бригады Днепропетровского трамвайного парка. Безмянский собрал этот материал и поднимает его на большую принципиальную высоту. Основная заслуга Безмянского не только в том, что он первый активно и быстро откликнулся на борьбу ударных бригад, но и в том, что он сумел раскрыть и показать в борьбе отдельной бригады **классовую борьбу и производственную**.

В «Выстреле» никто не кричит бригадире «отступись!» Наоборот, там все приветствует комсомольскую бригаду, приветствует — как это часто бывало по-классовому — в порядке «очередной кампания».

Ударница Лена рассказывает:

Наш громоглазый зав был на словечки држж.
За чествовали все... потом сыграл тут...

Потом секретари шлохо говорили,
Бригаду сознали...

и вшит о ней забыли.

Но враги чувствуют значение бригады. Они не кричат «Отступись», но делают все, чтобы бригада отступилась — провалялись и слышали. Они создают вокруг нее такую обстановку, когда

То зашит фрезерный станок,
То незваный исчезает сверло,
То лет торцового ключа,
То не дожевывая полукозарт —
А завы местоты, крива... —
Сознали в подлещи шпритат.

«А все-таки она вертится!»

Работать бригаде становится все труднее. Вышине злости, пробравшись на производство, пытался сорвать движущую выгоду, испортив в нем какую-то часть. На торжество выпуска комсомольцы опозорены перед всеми рабочими: их вагон не может сдвинуться с места. Комсомола злетя разоблачает вредителей, но атмосфера вокруг бригады все более ступаеца. Администрация, дтейка, шпены, рабочие — все втягивается в борьбу — борьбу за бригаду или против бригады, но борю, по своему смыслу идущую гораздо дальше бригады: за новое отношение на производстве.

Безмянский, действительно, строит свою пьесу так, что в ней бригада оказывается только случайным центром, только точкой приложения, только рычагом широкой классовой борьбы.

Случайно стала здесь бригада
Опорным пунктом для борьбы...

Эти слова Гравеского раскрывают сущность замысла автора «Выстрела»: показать комсомольскую бригаду в торчовой перспективе, показать ее производственную, не разудаль, только как один из участков, на которых дерется класс.

Бригада в «Выстреле» оказывается том осязком, на котором происходит замысел автора: она огиб и классовая иенаиель других. И когда атмосфера вокруг бригады разряжается выстрелом Николая Корчанина — самоубийством комсомольца, пытавшегося выжить из цеха, опасные отношения, сложившиеся в трампарке, — когда атмосфера, наконец, разряжается, бригада становится формальным бродком производственного соревнования. Глядя на комсомольцев, старик создает «свою бригаду. Между бригадами возникает соревнование и — старик побеждает. Безмянский ниде

«Выстрел» будет поставлен ко двум и многим моментам, востановивших колонию: меня, покладш, более всего. Я невоинерно пришла ко мне сюжет «Выстрел» (Праде) о работе комсомольской бригады «печерского» заводчика «ударной».

Мы поклялись, что работа эта в турсе увлечит мой класс и моя партианора и производственности труд, «комсомольство социальное» (Ленин). Я невоинерно пришла ко мне сюжет «Выстрел» (Праде) о работе комсомольской бригады «печерского» заводчика «ударной».

Мы поклялись, что работа эта в турсе увлечит мой класс и моя партианора и производственности труд, «комсомольство социальное» (Ленин). Я невоинерно пришла ко мне сюжет «Выстрел» (Праде) о работе комсомольской бригады «печерского» заводчика «ударной».

Мы поклялись, что работа эта в турсе увлечит мой класс и моя партианора и производственности труд, «комсомольство социальное» (Ленин). Я невоинерно пришла ко мне сюжет «Выстрел» (Праде) о работе комсомольской бригады «печерского» заводчика «ударной».

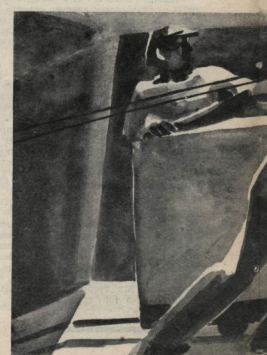
Мы поклялись, что работа эта в турсе увлечит мой класс и моя партианора и производственности труд, «комсомольство социальное» (Ленин). Я невоинерно пришла ко мне сюжет «Выстрел» (Праде) о работе комсомольской бригады «печерского» заводчика «ударной».

В чем дело?

Дело в том, что и «победители» и исторической силы, которая завоевывает мир, с их пор victory истощены, пробывают часом может предостыть, победы этой силы!

ПОБЕЖДАЕТ КОМУНИЗМ

В Ш А

СОМОЛЬСКАЯ

Рис. КУКРЫНИКСЫ

РОСТОМ...

основанию слага ударных бригад. Среди я автора пьесы, это обстоятельство важно вспомню июль 1928 года, когда (на известной станции в Комсомольской Днепропетровского трамвайного парка,

ных бригад — мекловожое везно, за чтобы вытиснуть всю цепь трудного я, в конечном счете, самое важное в деле медленно же выехала в Днепропетровск.

Их работа только начиналась, препятствия огромными. Но первые победы на ячмене в это начинание.

и борьбы именно этой бригады. Задача тия мною должны были быть восторгом, огромно сложность борьбы, КЛАССО-Робочие брды, сватка сил болышниками лемный — вот что было темой моей пьесы, ты коммуниста, я не хотел успокоить ни в борьбы ЭТОЙ ударной бригады. Мне

это все-таки персонажи, и что ты борбу, продолжать в живой жизни тем, которые жажмяно, еще не умело, еще не забыты ни Бресты, еще не умело усилит придется забыть. «Подымайте ярость масс на протест, кто будет ее смотреть. Мною есть быи и новинств! Насколько я смел это мои задания.

Л. Подлинный рамах их работы начинат* над — это индустриальная сила коммуниста. Участок сто борьбы. Вместе с тем, я очень дано мое задание: «лучший стала здесь пока боты и не бригады, мой боты и не и смещает «серые» наши бригады велика.

олодажи, которая В ДАННОМ ТРАМ-ларичи «старик», вы еще покажете молодерши молодежи, ты еще покосишь «стали, мы все вместе будем прожить борюлся, будем подымать производительность

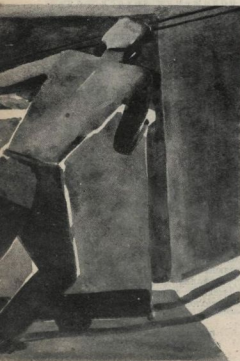
иним, бригады «побеждают» друг друга око мет чувства обиды, нет горечи поражения, сталь подлые человеческие чувства, нет такими прекрасными, как радость за

«побежденные» являются частями той лои, подымает человека на недостающую до ста, переделывает все и всех. Ничто не

М. А. Безыменский.

К ТЕ.

Рис. Н. ДЕНИСОВСКОГО

не хочет фразивным восторгом нарушить логику событий. Страхоз должен была победить, ибо у них опыт и знания. Но даже вразяжение комсомольской бригады воспринимается как победа.

Старик Панов говорит комсомольцам:

...Мы очень рады
Кой-что продать за страны.
Мы — победители бригады.
Но ею — мы побеждены.

А Гравеский учит приунывших ударников:

Вы все работали, как львы,
Но дело — в знаниях, дело в стаже.
А рвение породило — выд...
Вся жизнь пред вами! Сурок не мад.
И старик пока-то в силе.
Как прирывают — ой, тапид!
Вы дружно плали бы обудили!
Как стаят вам снова впереди.

И бригадир Сорочкин отвечает Гравескому:

Все победил! Всем ура!
Но прав ты, старый гравесковник:
Давно работать нам пора
Сегодня — лучше, чем вчера
И завтра — лучше, чем сегодня...

В этом — основное. И на этом клячат пьесу Безыменский. Проложение ее — в жизни, в дальнейшей работе комсомольских бригад, в росте знания, в выношении опыта, в сезде бригад, который подготавливает этот опыт и делает его достоянием всего Союза.

„Прижечь“ и зажечь

Многие бригады узнают свой собственный путь, в «Выстреле» Безыменского. Многие бригады узнают свой товарищеский в типах комсомольцев из «Выстрела». Эти типы обобщены, но они живы, отмечены каждой своей особой метой и все вместе — общим знаком реального действительного порыва, творческого энтузиазма строителей. Пьеса «Выстрел», это — поэма о высоком строительном пафосе, о великом творческом деле комсомола.

Но эти не исчерпываются все значение «Выстрела». Со всей силой классовой ненависти Безыменский обрушивается на тех, кто мешает, вредит, ставит палки в колеса, кто кутается под полами строительства. Эта вторая — обличительная, сатирическая сторона пьесы также важна пафоса — пафоса ненависти. Здесь Безыменский не щадит никого — даже людей своего лагеря, наутраившихся в тенетах идеологических врагов, свернувших в сторону от генеральной линии партии. Для них Безыменский находит едкие, уничтожающие слова. Едкими, как кислота, стихами он клеймит и нашу отсталость, и бездумную тупость чиновников, и космополитическую безответность, и позитивскую близорукость. Найдены Безыменским «прижигательные» словечки настолько метки и точны, что многие из них станут достоянием обычной речи, войдут в наш будничный обиход, станут пословицами — это незаменимые, «скрытые» слова.

Такие фразы, как:

...Партизе на два фронта бьет,
А это — кланится на два фронта...

•
...Не человек, а должность...
•

...Жалует циркуляр,
Да не жалует секретаря.

•
...О деле как-нибудь думай,
А революции не забывай...

•
...Магистры телячьих наук!
Плантация мыслишек кудных,
Но там разводил каучук,
Чтоб замять реоны тзок
Для выделка... хороших резиновых!

•
...Не парней бегает за словом,
А слово бегает за ним...

•
...Мир подождет. Не жлет приказ!

•
...Замолч, техническая гнида,
Черныльница на двух ногах!

•
...Всего два раздела: «суднаги» —
«постановлял».
А где же третий раздел: «утро-
бавил»?

•
...Сто меткости — лодь попадали...

•
...План жив! Работница в мотыле...

•
...Сам-то ты молодой,
А душа у тебя — ямса...

•
...Мы от стигииции не умирали,
А от, чудал, от смерти сдох!

•
...Оратор во горюват,
А все во рту до зорта сухо...

•
...Мозгам трухлявым богатеель!
Он жалованье крутный год
За мезомисские берет,
А потому он мыслит — сдельно...

•
...Бьет Маркса ставлю в кабинете,
Чтоб Маркса хлопнуть по плечу!

такие фразы как бы сами прилипают к языку.

Но «прижигательные» словечки не могут заслонить основного зажитательного смысла пьесы. Кто за словами не увидит событий, кто за словами не увидит классовых сил, кто за отсылками к чиновникам не увидит партии, кто за борьбой ударной бригады не увидит широкой перспективы классовой борьбы — тот ничего не увидит в «Выстреле» — большой поэме о строительстве и борьбе. Именно в этом суть; именно поэтому и смогла стать бригада той точкой, на которой сосредоточились классовые силы, скрестившие мечи классовой борьбы, тем словом, по которому можно судить о всей чисте событий нашей великой строительной эпохи.

ПАРИЖ—МОСКВА—ГАМБУРГ

Дм. Лебедев

Мы умели соревноваться на хворост, питались кониной и черным хлебом, когда враги пытались превратить нас в пушляк ситником и каша. Когда Нобеле в своей асовете на славой потерял все, он доныне всего охранил роскошной герверальской мушкетер, который до сих пор был ступом подлинном «дуче» за открытые поезда. В это время снова безбрежные полярных льдов нам «Красин», надвигаясь, «соревновались» в борьбе за спасение брошенных неудачливым генералом спутников, имея вперед лишь одну награду — призвание той верности своему долгу, которая лежит на каждом из сынов Страны Советов.

И сейчас мы с горстью шлоем принят нашим героям славою «Страны Советов», зная, что они — единственные на всех победившей воздушной стихии, которая возмущалась на поножи за легкой наживной, не золотые наживши на бешеных мушкетерах, а одна мысль: показать величие нашей социалистической страны, не знающей непреодолимых препятствий.

В Гурь, в дни зоматая, когда многие рабочие семьи должны были последние гроши, комсомольцы и колхозники везли ушами луком: — Темерайн, наши рабочие братья вылезли на спонж итемах годы вынети, разрухи, голода. Что же, мы не сумеем быть такими же, как они?

В Англии, в дни голодной забастовки, когда на ушах брови выжидательные комсомольцы, апыла на весь мир люди, комсомольцы везли в зномх зитомашах: — Дерутся, как черти! Наши братья в Россия видели худшие времена, до они сумели перенести все лишения и победили.

Пусть подумает об этом тот, кто не понимает смысла международного революционного соревнования. Пусть подумает об этом все, кто — сознательно или бессознательно — хочет выдохнуть его, провозгласив его бездумным формализмом.

Международное революционное соревнование должно стать стихией, средством мобилизации воли, зарывкой боевой солидарности, катеринационального единства. Важно, чтобы международное революционное соревнование стало не простым достижением статистических цифр, а средством, революционизирующим, поднимающим на высшую ступень активности всю нашу комсомольскую работу.

Для этого во всех условиях, которые уже высказаны сейчас, комсомольские ячейки СССР охотли на вышедших стихий обязательств выдвигать подлитые политбюроу комсомольцев, активизируя работу, словом, повышение ее качества. Это соревнование призывает к лучшему.

В австрийской коммунистической республике сейчас соревнование ставит себе задачу: больше выигрывать в релов партии, лучше перестройку ее работу, которая способствует укреплению ее единства и сплоченности, расширению ее влияния на массы.

Сталинградские комсомольцы, заключившие договор с чехословацкими комсомольцами Аустра, пробуют от них познать о существовании в жизни и реловии ИККИМ о положении чехословацкого комсомола.

Соревнование на большевикскую неприхирливость — вот она из тех черт, которые делают международное революционное соревнование мощной силой, привлекающей массы под коммунистические знамена.

Соревнование между партийными организациями перенесено в комсомол. В соответствии с решением XII съезда германского комсомола, сейчас все организации германского комсомола производят соревнование за расширение организационного охвата рабочей молодежи. Комсомольские организации Нижнерейнского округа уделось на 10 дней завербовать 105 молодых рабочих; созданы две новых ячейки. Окружная организация проводит вербовочную кампанию под лозунгом: «15 новых ячеек, 500 новых членов и 1000 новых подводящих комсомольских тактов «Юнг-Гарден» (Молодые Гардина).

Сейчас начинается соревнование между германским и французским комсомолом. Германский комсомол обещает увеличить на 10% число своих членов. Берлин-Врандзбургский комитет партии вызвал на соревнование Париж, Москву, Гамбург, обещая завербовать 4000 новых членов.

Социалистическое соревнование в СССР становится могущественной силой перестройки всего трудового уклада, значения рабочего подхода к труду, мобилизации революционного трудового энтузиазма. Международное революционное соревнование должно стать методом интенсификации всей нашей работы, методом большинства перестройки работы зарубежных комсомолов.

Джек Лондон рассказывает в одном из своих клондайкских рассказов как целая толпа золототопателей нускается в сумасшедшее путешествие за золотом при алевом море, но несчастье-стихому чуту, на котором ежминутно угрожает смерть. Сумасшедшая толпа убивает одних другие возвращаясь назад, прили к мысли о безнадежности путешествия. Третье все же достигают цели. Два героя раскаяла, достигнув этой цели, убеждают в том, что по роковому стечению обстоятельств они не меньше, чем ничтож имзот не существующий в природе уткост.

К возмущающей теме о соревновании Джек Лондон возвращается часто и все в том же неизменном ритмичном: развитие чужести, откровенные ругки и лопи, комментаторский результат героям славою которого является жизнь, а максимализм-нашим источником героизма — погоня за сокровищами.

Буржуазная литература щедро разработала проблему соревнования. И только у бостальных социематических моралистов эта проблема поднимается «возвышенными» темами о боге, о прокляти бешеных, о бездельных общечеловеческих идеалах. Безнужность буржуазной общественной системы спазмалась уже в этой невозможности совершенствовать свою человеческую мощь иначе, как только в погоне за «привременным металлом».

Практика буржуазного общества, увы, дает еще более безрадостные примеры. Назовем один из таинвор по Франция гашеца без передышки в течение почти трех суток, любил, такли образом, рекорд продолжительности танца. В Германии был угором «лакейский» бег с навозными поддонами в руках. В Англии же так давно умер человек, который шажки себе составлял... смехом, он смехом настало догду, что австралий хохотал ористеря после зомой танцовки и излостной комедии. Угтерслаивя соревнования на максималную количество выкрученных пальцов, на максимальное число рупокопаний, на... самый высокий и зростый вертотичок, на... продолжительность ступени на голове и на одной ноге или даже на максимальной дальность прыжка.

Буржуазия оценивает самые ценные человеческие свойства. Способность почти безграничного совершенствования, которая свойственна трудовому организму, превращается в собственную противоположность — в истощение расхождия этого организма. Так соревнование из силы развития, кажем оно было на заре человеческой истории, превращается в силу, задерживающую это развитие — в бессмысленную нелепость, подобную иступшим боим.

Мы знаем и о других случаях соревнования.

В октябре 1917 года революционный пролетариат России вызвал на «соревнование» Париж, Берлин, Вена, Варшаву. Революционный пролетариат России, продолжая величайшую в мире революцию, принял своих авадных и восточных братьев пользоваться его примеру. Сила реакции оказалась значительнее революционных сил. Но также грандиозное соревнование бо не является величайшим международным революционным пролетарских армий на скорейшее осуществление своего Октября?

Мы возвращаясь к теме соревнования об осуществленную революционную ступень ступень, которая была парализована, опоздала, доведена до абсурда в эпоху буржуазии.

ЧЕРСТВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Р. Кипш

Мы еще не воспитали в себе умение бережно и чутко относиться к своему товарищу. Какое-то время мы сталкиваемся с такими «черствыми» людьми, о которых пишет Г. Кипш. На московской областной конференции комсомола Т. Мосоловский подчеркнул эту нашу нечуждость. Мы предлагаем читателям «Смена» высказать свое мнение о том, каким должно быть отношение к товарищу, изучающему в поддержку и участии. Сообщайте факты неустойчивого отношения к товарищам — первым и последним.

В жизни радиостанции комсомола немало мрачных людей, особенно среди угнетенных активистов. Они вечно несут выразительный на лице неудовольственного жеманья учиться. О таком человеке и написал фельетон «Неведа», начатый в «Комсомольской Правде». Мой герой — комсомолец. С ней приключилась довольно неприятная история. В тот самый день, когда ей открылась возможность уехать в Москву и осуществить возмеченные за десять лет мечты об учебе, об этом же комсомольце выдвинули ее на пост секретари орудюкома. Она поспешно отказалась, поспешно отбыла, но потеряла неудачу и уехала на работу с болью в душе.

На основании неписаных законов литературной работы, я воображаю себе девушку и рассказываю о ее переживаниях. Я выпускаю своего героя из свет с голым душой, чтобы тронуть сердце читателя. Я имею в виду живого человека, у которого есть то, что принято называть первыми. Такой человек, будь он самым производственным, вовсе не провозглаждает жизнь в сплошной работе, вечно расписав «Интернационал». У него есть и радость и гора. Наряду с центром смеха в его организме таятся предательские желваки слез. Слеза, как известно, крайняя, нежелательная вещь в быту революционеров, тем не менее она иногда вырывается на глаза у самых боевых и мужественных людей.

Напомним об этом, я отнюдь не намерен бросить лозунг: «Товарищи, давайте плакать». Я хочу лишь сказать, что если кто-либо в нашей среде вдохнет или даже заплачет, не надо вытаскивать уши и кричать: «Хватите его, — это контр-революционер».

Между тем, иногда у нас еще водятся люди, думающие, что говорить о заболелшем — преступно; что переживать свою нелегкую судьбу надо в консервную коробку; что мечты и чувства в груди надо вырывать, как чертополох.

Возвращаясь к своему герою. Моя комсомолка переживала довольно тяжело свою неудачу. По моим сведениям, она триголомку даже плакала. Но мои редакционные друзья ей не разрешили плакать. Они вычеркнули ее тихие и тихие слезы. Я не очень-то был этим гордичен. Слезы, конечно, пустяк. Главное, что и хотел сделать своим фельетоном — это бросить бобину тревогу, привалывавшую на фронт учебы. Эта тревога услышана. Первым откликнулся секретарь ЦК ВКП(б) тов. Каганович. Он счел необходимым специально позвонить в редакцию «Комсомольской Правды», чтобы подчеркнуть исключительную важность вопроса, поднятого в «Неведе». Он попросил вести широкое обсуждение этого вопроса, чтобы дать молодежи точный ответ об учебе. Затем последовал бурный поток писем со всех уголков СССР. Чтывая письма, я увидел лишь замечательных людей, которые живут в горячем неосуществлении мечты об учебе и напряженно ищут выхода. Многие читатели узнавали в рассказе и личностную радость обещания, которую дает высшая школа. Мой герой встретил у читательского теплого сочувствия. Но в дорогом голосе, согретых искренним чувством, я услышал голос, грохочущий как лавовая лавина. И передо мной обрисовалась лицо черствого человека, взорванного бранной пажетью.

«Я знаю несколько слов от себя по поводу фельетона «Неведа», — пишет комсомолец Карягин из Добинского. Написанный черствый человек не должен, видимо, раскусывать, вылетать свои личные цели в рамки узкого индивидуума. Поэтому и откровенность — мечтательность в тайных воздушных мечтах сплывовится недостаточным приобщением к тому, что подчас требует от нас самопожертвование. При разном расчете и индивидуальном рассмотрении положения, выходящего в горячие, позволительно сказать, данного фельетона, даже принимая во внимание и разумную цель — широкость к учебе, это неслучайно очевидным не-полюбовному мужеству стоять до конца на посту октябрьских завоеваний. Конечно, комсомолка, вышедшая из белой семьи, заслуживает предпочтения в учебе, но, если всмотритесь глубже, то не слезами ли мы злоупотребляем жалким сожалением к ней? Комсомолец, обрешая себя до конца нести обязанности передового человека, не может и не должен полагать меру огня и самоотверженности».

Рис. В. ЛЮШИНА

Откровенность — мечтательность, для него преступление...

«Так пишет комсомолец-шахтер. Он явно берет, что это «от себя». Так шахтеры не пишут. Его мысли падают в тяжелых сапогах книжных фраз. Он думает, что в сердце человеческого надо отлить в ковшоме сапога меруть мертвичий холерум».

«Откровенность — мечтательность — для него преступление. «Ие сделаем ли мы злоупотребления личным сожалением?» — беспокоит Карягин».

Попробуй-ка, поговори с таким товарищем искренне, расскажи о том, что тебя возмущает, и увидишь, что меруть мертвичий холерум».

С комсомольцем из Добинского перекинулись комсомолки из Ленинграда. Искренне письмо героя «Неведа» возмущает его. «Ишь, разотреничался, — пишет он, — комсомолу нет дела до того, что у тебя там внутри гниет, — воскалает он тебе рено».

А комсомолец Макаров из Минска выражается еще решительнее: «Такую комсомолку, о которой пишет Р. Кипш, можно шей волны лессимама. Она преступно упустила на виду, что надо считать, впаивать в историю и изрыгать. Нечего тут впаивать в историю. Не надо нам так...»

Так и чувствуется отяжелый энергичный шарень, готовый в любую минуту дубинкой выколачивать в голову свое августинское изгнание.

И, наконец, некий Л. Г. дополняет собой черты черствого человека. Он в своем письме пишет:

«...Что это за комсомолка, которая ходит и думает о себе и каких-то своих мечтах и перед всеми высказывает, что комсомол гнетет ее. Таких надо клеймить позором и гнать из Ленинского комсомола».

Замечательный факт! На отношении к литературному герою показавши свое лицо живые люди. Они показавали, что среди нас растет черствый человек, думающий будто вся мудрость в отношениях к товарищам заключается в том, чтобы бить его по носу уютностью, — что это и есть ложнейшее отношение к товарищу! Он не знает, что это и есть то злое дело к товарищам так заблуждено, внимательно и чутко, как Ленин».

ЛИСТОВКИ

А. А. Исбах

Глава из повести «По шпалам»

У самой проходной Шурку оканчивали.

чувствовался металл, чувствовался мощный паровоз и дизель, чувствовался сложный и увлекательный процесс труда.

Как приятно было бросить в редакцию такую твердую чугуниую фразу: «Я сегодня доклад делаю в чугуно-литейном».

В чугуно-литейном. Какая потрясающая музыка была в этом слове.

Проходя мимо одного из мартенов, Шурка поглядывал у молодого парня-комсомольца очки, чтоб посмотреть на огонь. Сидящие очки внутренности мартена казались бующими кратером, готовящими извергнуть поток лавы. Такой образ немедленно вошел в голову Шурки, хотя кратера он, конечно, не видел и знал о нем только по учебникам географии.

Полный радостного, подемного чувства, Шурка вернул очки потному и пыльному рабочему и пошел в красивый уголок, но пути он захватил валяющийся кусок чугуниой стружки и все время машинально растирал его руками, не без приятности ощущая, как руки шершавеют.

«Шливаются толстые, работнички!» — сердито бросил ему вслед старик-рабочий, стоявший у второго мартена, а комсомолец, давший ему очки, смеясь внахлеб, раскидал полы халата, на манер лавы Шурки и попытался изобразить, как Бойцов смотрел на огонь, глядя на работу.

Но на него никто не обращал внимания. Каждый был занят своей Производственное совещание было в самом разгаре. Представители цехов направили на сталелитейный и резко кричали литейщикам за плохие литы и невыполнение программы.

Очевидно, вначале был длинный и обидный для литейщиков доклад главного инженера завода, потому что в каждом слове об инженере говорили больше обращаясь к нему, чем к собранию.

Печатась мной отрывок является главой из повести А. Исбаха «По шпалам». Действие повести относится к 1925, 1926 гг. и протекает в удаленном, промышленном городе. Автор показывает ряд образов низовых уровней и заводских партийных и беспартийных рабочих. На заводе работает оппозиционная группа. Парторганизация разоблачает ее. Рабочие дают решительный отпор оппозиции. Бойцов — редактор газеты в оппозиции не состоит, но все время колеблется. Зная о работе оппозиции, он не решает выдать ее. Автор показывает в повести интеллигентские штатные Бойцова и, наконец, перелом его.

Печатся отрывок — один из эпизодов повести.

Встречающийся в отрывке Бавров — стартер укома партии, — Пенков — один из оппозиционеров.

Старик-инженер, сидящий в президиуме, то и дело вытарап большим клетчатким платком грязную, досижившую шею и что-то мелко-мелко заневоит в лежащую перед ним тетрадь.

От рабочих его отличала только удлинительно ковал форменная фуражка с высокими передними полями. И фуражка эта как-то не шла к его старому, уставшему лицу, в глубоких морщинах которого отложившаяся та же пыль, которая делала лица рабочих суровее и превращала мрщинки в резкие терние штрихи.

Когда зашел Бойцов, говорил молодой Пахомов, по-обычному, во время речи стучались, более обычного хастеривая плечом и судорожно комкая слова

— Затра можете притти к нам в цех и нас крыть, товарищи! Если за дело — обаяться не будем. Зтра обяжетесь, здра!.. И без нас и без нас паровоз все одно не поедет. Так нам и значит надо вместе моговать... Ниначе дело не выйдет...

— Дайте слово! Дайте слово! — закричал кто-то до слери.

Выл вечерний обеленный перерыв и в уголок наблизил, прямо с работы рабочие вечерней смены. Синие очки их, приподнятые на фуражки, были густо забрызганы белыми точками. От них еще веело жаром мартенов, и каждый шаг их оставил большие пепельные отпечатки на полу уголка

— В очередь записаны, Василий Николаич! — закричал прелесдатель.

— Какой там черед! Ему же и в цех нужно! Без череду давай, пусть скажет! — сразу заговорили рабочие.

Пресдатель, Андрей Перуглов, недопоню заступал болтом по столу:

— Так и же только для порядку. Если собрание захочет — пусть говорит! Ставь на голосование! — Кто за то, чтоб дать слово Василию Николаичу? Большинство! Говори, Василий Николаич!

— Ну, и научился же Андрюшка бюрократизму! — усмехнувшись и невнятно радостно сказал маленький рабочий в углу.

Василий Николаевич, старичек с ределькой рыжеватой бородой, которая странно торчала по нему туго и в которой рыжие клочки перемежались с седыми, словно старик был неудачно загримирован, седого волоса для грима не хватило и настояли рыжие клочки, Василий Николаевич выстунил вперед и, уставившись на инженера, задал, поинищая клочки бороде:

— Я, значит, доклад не слышал, но особо сталелитейную хать нечего! Нечего хать особо сталелитейную! Я, значит, коротко. Говорит браку много. А какой же эт-та брак? Брак какой это, если, к примеру, наделили в своде выдал — 3 процента. Разве же-ж эт-та брак! А!.. — и повернувшись к рабочим, он вслеснул руками. — Товарищи рабочие и господа инженеры, разве же-ж эт-та брак? С кем не случается? А хать. Ипарсно хать!.. — и старик громко салкнул и втиснулся в группу стоящих у дверей рабочих.

— Э, Василий Николаич, Василий Николаич! Ты, брат, не уход! Сказал, так послушай! — закричал с первой скамьи Лобанов (тут только Шурка заметил его присутствие на собрании). Андрюшка, не моя там очередь? Будто бы моя! Ты, Василий Николаич а кусты не лезь. Сказал и ответ слушай!

— Он только за бутылкой, у мартена оставил! — сказал тот же маленький рабочий из угла и кое-где смеюно пошел по собранию.

— Слово Лобанову, — ударил болтом о талку Перуглов.

Лобанов сжал шкурку и раскидал усы, пынно красующиеся на лице и особенно заметные сейчас, благодаря налогу выбртой толкоче.

Голову он брал только перед собранием, и новый вид Андрия Тимофеича был сразу отмечен перемещением и шопотами рабочих.

Лобанов любил производственные совещания. Здесь он всегда выкладывал свои знания и опыт старому рабочему, Любим Андреев Тимофеича подкудыкивал на совещаниях инженеров, особенно молодых практикантов, и сбив их теоретические выкладки своим многолетним практическим опытом.

Как и всегда на совещаниях, и на этот раз он говорил степенно и серьезно, даже несколько мрачно, но рабочим за каждым его словом слышалась едкая ирония.

— Василь Николаич, товарищи, маленькую ошибочку допустил! В процентах ошибочку.

Он остановился, потер рукой непривычно голый затылок и обвел глазами все собрание, словно призывая именно сейчас к большому вниманию.

— Маленькая, как бы сказать, арифметическая ошибочка у Василья Николаича. Единицу перед двойкой просмотрел. Не два, а двенадцать процентов браку, Василь Николаич, двенадцать! Пустышовая ошибочка!..

И под приглушенный шум смехов и реплик, Лобанов добавил: — Видно, без отговорок в сводку Василь Николаич заглянул.

Смехались все: и критики из других цехов, и сами литейщики. Василья Николаича сердито махнул рукой и скрылся в дверях утолка. Говорил высокий, черный рабочий. Сильно возмущен, и еле слышную поправил спланившие на нос большие очки в железной оправе.

— Смеют тут нет, товарищи, нет тут совсем смеха. Я вот скажу. — Сид остановился и поправил очки, смущенно заметил: — народу, вот, здесь много чужого. Говорить боюсь!

«Нужели ему впрямь боюсь говорить!» — подумал Шурка, чувствуя, как ему передается волнение этого большого угловатого человека.

— А только обидно нам не то, что товарищи ошибки указывают, ежели Лобанов кричит, мы не возражаем. Послушаем! Обидно то, что называют те, кому мы и литья фасонного не даем. Нас, литейщиков, маляры учат!..

И в словах его прозвучала глубокая, до сердца дошедшая обида. Он ничего больше не сказал и сел, прогнрав очки потными пальцами, отчего стекла еще больше туманились.

— А что же, если маляры брак заметят!.. Учить вас не могут, что ли?.. Подумаешь, литейщики — боевые! — бросил из угла все тот же маленький и рабочий.

Пригадевшись к нему, Шурка заметил, что рубашка его измарана зеленой и желтой красками.

— Товарищи! — неожиданно тоном голосом начал грузный мастер Марков и, прокашлявшись, продолжал обычным, слегка надтреснутым волевым говором: — Товарищи! и только что из Ратаяска приехал. Трамвай там стали, товарищи! Частей мы не даем. Плохие части даем. Программы не выполняем! Брак выше нормы! Товарищи, вопрос серьезный! Трамвай стоит, по нашей вине стоит, товарищи! Надо пустить ратаясские трамваи!

— Извозчиком, небось, прибыл! — опять острая раба, но на него тут же возмущенно выхулила, и он сразу ушел.

Цеховой инженер Штейн, молодой практикант, стажировавшийся на заводе, возмущен и чрезмерно по-мозлому горячась, доказывал собранно причины брака фасонного литья.

И вокруг него, и в президиуме, и на скамьях сосредоточенно слушали, и многие, сжимая черными, гнущимися пальцами остренькие карандаши, записывали в записных книжках, на обрывках газет, на крышках папиросных коробок свои соображения, свои тезисы для того, чтобы выступить по вопросу, затронутому инженером Штейном, о кровном и неотложном деле, как уничтожить брак, как скорее пустить трамваи в Ратаяске.

У самой проходной Шурку окликали.

Из тьмы заводского двора выросла плотная фигура Пенькова.

— Товарищ Бойцов! Еще догнал тебя. Порученью у меня к тебе. — невпривычно быстро, без всепалашней степенности начал Пеньков. — Вот, увидишь ли, — вынул он из-под пальм выдвинутое сверток. — Мне никак сегодня в город не выбраться. Первый этот завтра утречком рано Игнатову или Рабицеву. Только незаметно!.. Понимаешь! — и для подкрепления своих слов он быстро добавил:

— Нештадт очень просил. Он уехал в Москву с Вольновым. А другого верного человека, кроме тебя, нет. Ты уж передай, товарищ Бойцов! Дело неотложное!..

Литяж холодный был сразу выступил на всем теле и, казалось, даже стружками пошел по спине.

«Это же литейщик!.. Это же...»

К проходной кто-то подполз. Пеньков быстро кинулся головой и так же стремительно, как донылся, исчез во тьме, оставив сверток в руках Шурки.

Бойцов растерянно стоял у проходной, сжимая сверток. Кто-то прошел мимо, бросил на Бойцова безразличный взгляд, и исчез в проходной. Гулко стукнула дверь.

Шурка понял, что случилось это-то испорченное. У него в руках литейщик. Это совершенно невозможно. Он распространитель опозиционных листовок. Но это же невозможно. Это же ошибка. Это же глупая ошибка.

Он кинулся во тьму за Пеньковым.

— Никита Иваныч! — закричал он беззвучно, и сразу заупокоил: что он делает! Кричит ночью на заводе, с трюкесткиными листовками в руке!

Но ведь надо что-нибудь делать и он продолжал бежать вперед, надеясь, что Никита Иваныч где-нибудь здесь близко, что сейчас он найдет его, он вернет ему эти листовки, он скажет, что произошла неданная ошибка.

Ему покажется, что тень мелькнула у дверей паровозной сборки. Он рванулся туда, зацепился за проволоку и растащился на земле, только ударившись коленом.

Сверток развернулся и листовки рассыпались по двору.

Острая боль в ноге отрезвала его. Бойцов мигом встал и лихорадочно быстро стал собирать рассыпавшиеся листовки. При свете фонаря мелькнуло большое жирное слово: Англо-русском, по значению этого слова не дошло до сознания. Жалка у правого глаза болезненно, не переставая, билась.

«Что же это такое! Редактор газеты ночью разбрасывает листовки на дворе завода!»

Захотелось вернуться туда, в стабильный покой, чтобы ничего этого не было, чтобы не встречался Пеньков, чтобы не выпало этого глупого, непоправимого ошибки.

Он ухватил листовки в портфель и быстро пошел с заводского двора. Внезапно пришла мысль: «А что если бросить их и впрямь здесь!» Но тут же она была разбита и уничтожена. За ночь рабочие будут читать листовки, которые распространял он, Бойцов. Хотя об этом никто не будет знать! Нет... Будет знать Пеньков, Нештадт. И потом он сам ведь не может этого сделать, он же не может принести того, что в них написано.

«Передать их Игнатову? Выполнить поручение опозиционной группы? Создать такую-то круту, за которую невозможно выйти...»

Уже сидя в автобусе, он продолжал мучительно думать о выходе, рукой судорожно сжимая портфель с листовками и чувствуя себя преступником.

«А что если... Ну, да... Ну, конечно... Надо завтра отдать листовки Базарову... И как он раньше до этого не подумал!» — Шурка даже радостно рассмеялся, расбулды мжно прикуривающую в устье автобуса старушку.

Вода, смывая листовки, противно урчала...

Старушка съехала домой из поселка от дочери. Муж дочери сильно пьянствовал и частенько бил ее. Она долго и горько жаловалась матери на свои жизни. Ужасны дети, они пошаклали над ними, потом пили чай и опять плакали. В автобусе старушка вздремнула, и во сне редкие сны: скатывалась по ее маленькому ящику и вытпывались в штерт-тюредин шубейки. Старушке не было никакого дела до партийных споров, до оппозиции, до большой и сложной заводской жизни. Она приоткрыла глаза, задыгала от света, грустно посмотрела на Бойцова и опять застонала.

... Главное окно второго этажа iskolомского дома было освещено. «Базаров до сих пор работает... А что если сейчас пойти и ее рассказать ему?»

И сразу принятое решение стало казаться далеком и невыполнимым. «Пойдут рассказы: что да как. Базаров сразу перестанет доверять ему. Ведь, не мог же Пенков дать листовки первому встречному. Еще поставит вопрос на бюро укома. Чернов будет допрашивать его... Нет! Это невозможно... Что же делать? Что же делать?»

— Бойцов! Ты какими судьбами? Базаров без фуражки, с пером в руке стоял перед ним. Шурка весь передернулся, но Базаров, как и всегда, не ждал ответа.

— А я, брат, сизу и доклад на бюро готовлю! Вот за напросами выбежал! Знаешь, что, зайдем наверх, расскажу кое-что...

Машинально передвигая ногами, словно автомат, пошел Бойцов за Базаровым.

В кабинете Базарова было полутемно. Одна лампочка тускло светлала с потолка.

«И как это он до сих пор не распорядится настольную лампу поставить!» — подумала Шурка, откручивая гайку на одном из стоящих на столе веретен.

— Вот, садись. Да знаешь, Бойцов, оппозиция-то после приезда Троицкого действует во-всю! Вот сегодня доставили мне листовочку об Англо-русском союжете. Ядовитая листовка!

Веретено с грохотом упало со стола и покотилось в угол комнаты.

— Э-эх, какой ты, Бойцов, неоявкий. Всегда у тебя все падает и гремит! — истерично бросил Базаров. — Ну да, оставь! Там поднимут. Надо, понимаешь, нам в газете об этом комитете написать. Я вот набросал кое-что, а ты обработай!.. Вот посмотри!

Бойцов взял листок, слепно пробежал глазами по строчкам и, ничего не поняв, туло сказал:

— Ладно, Илья Андреевич, согласен!

— Вот тебе и листовка! Возьми, посмотришь! Да что ты сумной какой! Откуда ты?

— С производственного! Со сталелитейного...

— Ну-ну! — заинтересовался Базаров. — Что там?

И то, о чем говорили на совещании, то, что казалось Бойцову так таким важным и интересным, влудт побольше, отодвинулось далеко, далеко, будто все это было очень давно. Казалось: Базаров величественно знает, что у редактора в портфеле подольные оппозиционные материалы, те самые, против которых он будет завтра писать статью.

Услыев воли он заставил себя выдвигать несколько слов о совещании. Передавать листовки сейчас казалось абсолютно невозможным.

— Ну, ладно! — сказал Базаров, вставая и укусо потягиваясь. — На до дому! Хорошо бы сегодня с Нейштадтом на шахматы перекунуть! — и он громко, на весь комнату зевнул.

«Неужели он ничего, так-таки ничего не подолбрует!» — подумал Шурка, прощаясь с Базаровым на улице. — Илья играет роль! Неужто играет роль!.. Лопиты! — И он долго смотрел ему вслед.

Базаров большими шагами шагнул по мостовой. И на широком лице его было сплошное спокойствие и доброта.

Шурка швырнул портфель на стол. Портфель дробно и наשמлтво звякнул всеми своими застежками. Бойцов попытался привести в порядок свои мысли. Впрочем, к решению он уже почти пришел по дороге домой. «Надо просто уничтожить листовки. Это — лучший выход. Надо решить,

как это сделать. Сжечь? Отпадет. Гауто ночью раскладывать какой-то костер. Единственный способ... Да... Это, правда, нечистоплотно, но зато верно».

Конечно, так... Бойцов вынул из портфеля листовки. Да... Он ведь сюда засунул и ту, что ему дал Базаров. Где же она — законная листовка... Э... не все ли равно, кака... Он отложил одну и, взяв все другое, вышел из комнаты.

Вода, смытая листовки, противно урчала. Кречуха в уборной не было, и приходилось придерживать дверь рукой.

Через десять минут Бойцов вернулся в комнату и новалился на кровать.

Такого напостного чувства, как сейчас, он кажется, никогда еще не испытывал.

Рабочие казались важными профессорами.

Не забудь подписаться заблаговременно на свой журнал „Смену“. В 1930 году в нем будут принимать участие лучшие литературные и художественные силы.

В ЛЕС С ТОПОРОМ

После нефти на втором месте у нас стоит по экспорту лес.

Даже в царское время конкурент по торговле лесом—Америка—вывозила из России высокоуровневые породы леса, которыми так богат наш Север.

Лесные богатства Северо-Восточного края огромны. Лесная площадь района исчисляется в 80,126 тысячи га.

Знаете ли вы, что в 1929/30 хозяйственном году мы намерены предназначить к экспорту леса могли бы ввезти 250 тысяч тракторов.

Но не вся древесина Севера идет на экспорт. Крупная часть заготовительного леса используется нами на внутригосударственные нужды. При всех этих наших богатствах мы ощущаем огромную нужду в лесу. Эту беду надо было преодолеть. И комсомол сделал в этом первый шаг. Московская область мобилизовала 500 комсомольцев на лесозаготовку. Несколько тысяч комсомольцев Северо-Восточного края уже около месяца работают в лесах.

Чем же вызвана такая мера, как мобилизация?

В то время как в Америке и других торгующих лесом странах порубки, заготовка и сплав леса идут круглый год, у нас мы используем рабочих лишь в течение нескольких месяцев.

В массе своей лесорубы — крестьяне, не порывавшие с сельским хозяйством и смотрящие на лесозаготовку, как на побочный заработок, как на отходный промысел. Рабочий темп работы, не заинтересованность работой и неорганизованность — вот что характеризует основную массу наших лесорубов.

На постоянные кадры и на квалификацию их рассчитывать не приходится. Пышка, останова работ на религиозные праздники в самую горячую пору, отсушка и дезертирство, сопротивление рационализаторским мерам — вот основные показатели существующего положения.

Необходимо создать постоянные, квалифицированные кадры, ввести порядок и организовать в работу, дать отпор кулацким проходам и обеспечить выполнение темпов и планов лучших комсомольцев на работу в леса Севера.

ТРИ ГОДА ВО ЛЬДАХ

Три года боролась горсточка людей с морозами, вьюгами, зверями и голодом, отсыревшая у

дыной природы затерянный среди льдов полярного моря остров Врангеля. И советской колонии

«Ни одного дезертира не дали комсомольцы Москвы», — такую клятву принесли представители мобилизованных на прощальном вечере в Красном зале МК.

в 9 русских и 55 эскимосов прекрасно удалось обжиться в тяжелых условиях долгой полярной зимы.

— Некогда было слушать, — говорит тов. Ушаков, бывший начальник острова. — Работы было много: надо было изучить остров, нанести на карту точные его очертания. Надо было охотиться, пополнить запас мяса. Все решения надо было принимать самостоятельно. Колония была отрезана от всего мира. Теперь, когда на острове есть радиоустановка, положение островитян значительно изменилось к лучшему.

Надо напомнить, что на остров уже послали американцы, которых сняла с острова канонерская лодка «Красный Октябрь».

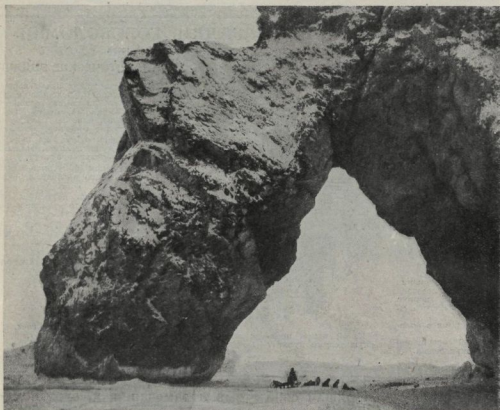
Начальнику острова Г. А. Ушакову приходилось одновременно быть и дипломатом, и торговым представителем, и начальником «спорта», и научным работником, представляя интересы советского правительства, Госторга, Спортплота и научных центров, интересующихся географией, метеорологией, положением островитян, зоологией и ботаникой.

Тов. Ушаков отмечает неточность советской печати в освещении жизни на острове. В целом ряде изданий были грубые ошибки, в большинстве случаев и замечаются о чужаках, когда на самом деле на острове живут эскимосы.

Г. А. Ушаков согласился представить для печати свой дневник, который даст четкое и ясное представление о жизни и работе на острове.

Читайте приложение к «Смене» в 1930 году — ежемесячник революционной романтики «Борьба миров».

В № 1 будет напечатан дневник Г. А. Ушакова, богато иллюстрированный фотографиями.

На острове Врангеля

Фото Г. Ушакова.

ХУДОЖКОР — СМЕНЕ

СЛОВО И ДЕЛО..

«Передко деревенские комсомольцы, редко бывавшие за проведение хлебозаготовки, восторженно ушлепают от слани хлеба».
(На газет)

Рис. Б. ШИРОКОРАДА.

НА КАТОК

Коньки являются для горожанина наиболее доступным видом спорта. Число катаных на коньках выросло до огромных размеров. В одной только Москве катаных насчитывается около 225—250 тыс. человек, что составляет 10% населения. Та же картина в Ленинграде. Катки переполнены.

У хороших катаных на коньках все же немного. Даже те, кто имеет опыт в течение двух и больше сезонов, не могут похвалиться большим умением и кататься на коньках, не говоря уже о новичках.

Очень многих ступенчат каток только потому, что катание на коньках кажется чрезвычайно сложным.

Для начинающих лучшей системой коньком нужно считать английской спорту. Они проще, устойчивы и, ввиду приспосаблив в обуви, не выпадают.

Обувь для называемого лучше всего обычная, применяемая для Москвы: новгородскую каблуку и обязательно свободную в пальцах. Без последнего условия при самом малейшем морозе ноги будут мерзнуть.

Приобрести необходимый инвентарь, можно перейти в управление. Одежда коньки и дома, впаившая одной рукой за ступу, продлевать следующие движения.

По счету раз — присядьте, согнув ноги и коленах, по счету два — выпрямитесь.

Это упражнение нужно делать в течение одной-двух минут. Затем надо перейти ко второму упражнению.

По счету раз — ставьте на правую ногу, присядьте на нее, согнув колено и наклонив корпус в правую сторону. Левая нога сидит на весу.

По счету два — правая нога в коньках выпрямляется, одновременно выпрямляется и корпус, меня свой наклон в правой стороны на левую.

По счету три — присядьте на левую ногу, сгибает колено, корпус наклоняется в левую сторону, и правая нога отбрасывается от пола, ставится сзади.

По счету четыре — левая нога выпрямляется. Корпус приводится в положение для исполнения движений по счету два.

Это движение повторяется четыре, пять минут. Трех дней совершенно достаточно для того, чтобы усвоить правильные движения конькобежца.

Теперь обясним зачем это нужно при катании на катке.

Выйдя на лед, конькобежец должен думать, что конек скользит не от того, что он отталкивается ото льда, а оттого, что корпус, опускаясь своей тяжестью на согнутую ногу, дает ей толчок, разрывающий лед.

Если вы проследите за движениями хорошей конькобежца, то вы увидите, что он катается обязательно с согнутыми коленями.

Если же кто-либо попытается на леду, падает, спотыкается, то колени у него выпрямлены.

Мы уверены, что, усвоив эти основные принципы правильной езды, вы добьетесь в первые же дни тех же успехов, которые достигаются начинающими конькобежцами только и кончу сезона.

С. Р.

ШАШКИ

Под редакцией В. В. МЕДКОВА

3-й КОНКУРС РЕШЕНИЙ ЗАДАЧ И ЭТЮДОВ

ЭТЮД № 16

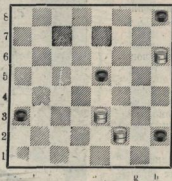
ЭТЮД № 17

М. Маллер и А. Бейлиссон (Смоленск)

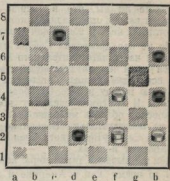
А. Бейлиссон (Смоленск)

Посвящается А. А. Савельеву
Печатается впервые.

Посвящается М. З. Маллеру
Печатается впервые.

Белые: Д, е3, f2, h8.....(3)
Черные: пр, а3, е5, h2, h.....(4)
Белые начинают и выигрывают.

Белые: Д, f2, пр, f4, h2.....(3)
Черные: пр, с7, d2, h4, h6.....(4)
Белые начинают и выигрывают.

№ 5. КОСЯК.

Играна в 7-м турнире по переписке Союта Шахматский с 25/VI по 2/XI—1928 года.

Черваков.	Шукин
1. с3—b4	f6—e5
2. g3—f4	g7—f6
3. h2—c3	f4—e5
4. b4—a5	e5: g3
5. h2: f4	b6—c5
6. f2: g3	g5—h4
7. с3—d4	h4: f2
8. a1: g3	h5—g7
9. d4: b3	a7: c5
10. с3—h4	g7—f6
11. a1—b2	f8—g7
12. b2—c3	

Коварный ход, на первый взгляд как будто проигрывающий партию, между тем лучший в данном положении.
12. .... с7—b6?

Упущенные возможностью дешевой победы, черные не заметили дальнейшего контр-удара белых. Садоманю 12.... f6—e5 с прибавительно равной игрой.
13. a5: e5 f6: b2
14. e3—d4! c5: g5
15. h4: h8 b2—a1
16. d2—c3..... дался.

Эта поучительная партия наглядно показывает, что даже в игре по переписке возможна подобная недооценка своего противника.

ЗАДАЧИ, ЗАГАДКИ, ГОЛОВОЛОМКИ.

под редакцией С. Галяева.

Вихрь (Оптикограмма)

Какой вихрь прощется над этими саудителами кудьта?

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ.

При помощи таких задач испытывается способность человека и умение выбирать из самого хаотического материала именно то, что нужно. Дается фраза, а за ней вопрос, на который нужно ответить.

Предумать ответа не надо, он содержится в тексте самой фразы. Решение следующее задание.

1. Пауку лакомый кусок и муха, а ему всю дуреню поданая в брзо. Кто он?

2. Чертежи пола дымок и говорит: «С какой же это радости нам делить, дождь на трон?» Кто черт?

3. Выдумали демона хитрые, а сами хуже всяких демонов. Кто он?

4. Она указывает нам практические пути и социалистическому переустройству нашей страны. Кто она?

ЛОГОГРАФ

С 3б — сынтас изображает.
С 4а — илюция обманывает.
С 5г — лишь слезы вымывает.

Пришли свой отзыв и замечания об этом номере «Смены» по адресу: Москва, Новая площадь, 6, редакция ж. «Смена».